

В то время Хан Чжо прекрасно знал, как старая госпожа относится к Госпоже Ван, и понимал, что у матери на уме свои расчёты. Старая госпожа рассудила просто: раз Вдовствующая императрица недовольна кланом Ван, а клан Хань уже продемонстрировал преданность трону, то незачем останавливаться на полумерах. Следовало раз и навсегда оборвать все связи с бывшей роднёй. Что же до продолжения рода... Стоило госпоже Ван отойти в мир иной, как Хан Чжо взял бы новую жену, а там и дети непременно появились бы.

Тогда, ослеплённый призраком будущей роскоши и величия, Хан Чжо давно вычеркнул супругу из своего сердца. Но от двух ещё не рождённых младенцев в её утробе он отказываться не собирался. Как-никак, в их жилах текла его собственная кровь. В крайнем случае, родись мальчик — можно вырастить его посредственностью, а если девочка — взбалмошной и капризной барышней. Огромное Помесье герцога Хань не обеднеет от лишнего рта, да и для кармы полезно — зачтётся как доброе дело.

Госпожа Ван не доверяла ни старой госпоже Хань, ни тем более собственному мужу. Именно поэтому она уехала рожать в отчий дом. В те времена подобные роды на стороне считались дурным предзнаменованием, сулящим несчастье, но клан Ван уступил её воле. Это наглядно показывало, сколь глубоко укоренилось их недоверие к зятям из клана Хань.

За долгие годы в Помесье герцога Хань никто и словом не помянул покойную. Даже присутствие Хан Сиэня, в чьих жилах текла кровь Ван, не заставляло домочадцев вспомнить о той несчастной женщине.

Но теперь, стоило Хан Сиэню обронить, что нынешняя смута во дворце напрямую связана с покойным Императорским благородным супругом Ван Ином, лица тех немногих, кто помнил дела минувших дней, мгновенно побелели.

Хан Чжо помрачнел пуще прежнего. Стоявший подле него младший брат, Хан Шу, невольно передёрнул плечами от исходившего от герцога ледяного дыхания. Хан Шу занимал лишь незначительную должность, но благодаря слепой любви матери всегда держался с братом запанибрата, да и государственную казну поместья опустошал без зазрения совести. Хан Чжо обо всём знал, но смотрел сквозь пальцы. До этого дня Хан Шу никогда не видел брата в такой ярости. Теперь же он осознал: герцог разгневан не на шутку.

Прищурившись, Хан Чжо взгляделся в лицо Хан Сиэня. Перед его мысленным взором вдруг возникла сцена из далёкого прошлого, когда он сломя голову мчался в клан Ван, дабы в последний раз увидеть угасающую супругу. Та лежала, измученная и слабая. Должно быть, предчувствуя скорый конец, женщина безучастно уставилась на двух новорождённых младенцев, лежавших по бокам. В её мягких чертах сквозила тихая нежность.

Он подошёл тогда, сжал её безжизненную ладонь и принялся шептать пустые слова благодарности за её муки. Но супруга не отозвалась. Она лишь смотрела на сморщенные личики новорождённых детей с невыразимой скорбью и сожалением. Напоследок она одарила

его мимолётным взглядом — пронизательным, словно видевшим насквозь всю его гнилую душу. От этого взгляда у Хан Чжо заledenело в груди. До самого последнего вздоха, пока её рука окончательно не выскользнула из его пальцев, она так и не проронила ни единого слова.

Сколько нежности и страсти связывало их в первый год после свадьбы, столько же холода легло между ними к концу. Несколько быстротечных лет — и от былой любви не осталось и следа.

В тот день Хан Чжо долго сидел у её изголовья, вглядываясь в широко раскрытые, невидящие глаза покойной, пока наконец дрожащей рукой не опустил её веки. Позже по столице пошли слухи об их великой любви и о том, как герцог безутешно рыдал над телом безвременно ушедшей супруги. Сам Хан Чжо тогда так и не понял, сколько в тех слезах было искренней скорби, а сколько — притворства.

Печаль оказалась мимолётной. Смерть жены принесла ему лишь краткий укол раскаяния, который со временем бесследно растворился в суете дней.

Рождённые дети принадлежали к клану Хань, и даже если клан Ван приходился им близкой роднёй, расти они должны были в отцовском доме. К тому же клан Ван в ту пору погрузился в хаос из-за одновременной кончины Ван Ина и госпожи Ван. Скрепя сердце и проглотив обиду, старая госпожа Ван позже отправила нескольких слуг в клан Хань под предлогом заботы о сиротах.

Когда же над поместьем маркиза Цзинго нависла необходимость отправиться охранять Сицзян, старая госпожа Ван явилась к зятю, намереваясь забрать внуков с собой. Однако Хан Сиэнь оставался законным первенцем герцога Хань. Пусть в доме отца его презирали, отдать мальчика чужим людям означало бы выставить себя на посмеище перед всей столицей. Разве мог клан Хань пойти на такой позор? В итоге старой госпоже позволили забрать лишь Хан Минчжу — воспитание внучки в семье матери общество ещё готово было принять.

Все эти годы Хан Чжо попросту игнорировал присутствие старшего сына. Герцог терпеть не мог этого мальчика, чьи глаза до пугающего точно воссоздавали взгляд покойной матери.

С раннего детства Хан Сиэнь отличался слабым здоровьем — точнее сказать, его медленно травили, подтачивая жизненные силы. Сиэнь не раз балансировал на грани жизни и смерти, рискуя бесследно сгинуть в пучинах интриг внутренних покоев клана Хань. Однако каждый раз именно вмешательство Хан Чжо вырывало его из лап смерти.

Сам герцог не мог бы объяснить, что им движет. Быть может, он мыслил шире остальных: пусть император и опечатал дворец своего покойного супруга Ван Ина, приказав слугам молчать, в глубине души повелителя тот навсегда остался единственным избранныком. Оставляя Сиэню жизнь, Хан Чжо, возможно, цеплялся за призрачную надежду вернуть милость государя.

Но былое миновало. Теперь в сердце отца не осталось и следа жалости. Напротив, он всё чаще

ловил себя на мысли, что мальчишке лучше было бы умереть тогда, в детстве, нежели теперь без конца навлекать беду на клан Хань.

Среди всех присутствующих старая госпожа Хань пребывала в наибольшем смятении. Ей и в кошмаре не могло привидеться, что дело покойного Императорского благородного супруга будет пересмотрено лично государем. При мысли о Добродетельной наложнице Хан Юнь, запертой в глубине дворца, её охватывал леденящий страх: ведь именно её дочь некогда приложила руку к травле Ван Ина! Нынче Вдовствующая императрица утратила былое влияние, и кто поручится, что разгневанный повелитель не выместит ярость на наложнице?

Старуха изнывала от тревоги, но не смела проронить ни слова, силясь сохранить на лице маску привычного царственного величия. Однако в глазах Хан Сиэня её натужные попытки казались жалкими. До актёрского мастерства Вдовствующей императрицы старухе было далеко, хотя сама она, без сомнения, мнила себя искусной притворщицей.

Сиэнь не собирался тратить на них время. Он небрежно щелкнул пальцами, и его губы скривились в презрительной усмешке.

В воцарившейся гнетущей тишине ни стонущий на ложе Хан Юэчжун, ни всхлипывающая госпожа Чжан не смели издать ни звука. Окинув их брезгливым взглядом, Хан Сиэнь негромко заговорил, и в его голосе зазвучали вкрадчивые нотки:

— На вашем месте я бы поостерёгся сейчас поддерживать связь с нашей любезной тётушкой, Добродетельной наложницей Хан Юнь. Нынче любое шевеление в её покоях подействует на государя словно игла, вонзившаяся в глаз. А когда императору больно, он делает всё, чтобы другие взвыли от нестерпимых мук. Того и гляди, нашу драгоценную тётушку обвинят в заговоре с вельможами да отправят в Холодный дворец. Бедная женщина... Ежели семья бросится ей на выручку, государь сочтёт это бунтом, и тогда прахом пойдёт весь наш славный род. Оставьте её без помощи — она одна сгинет в неизвестности. Впрочем, выбор за вами. Посмотрим, что для нашей многоуважаемой бабушки дороже: величие клана Хань или жизнь собственной дочери.

Хан Сиэнь произносил эти жестокие слова с неизменной мягкой улыбкой. История повторилась: когда-то они уже стояли перед подобным выбором, решая судьбу чужой женщины ради золота и титулов. Теперь же на весы легла жизнь их собственной плоти и крови.

Паника в душе старой госпожи Хань переросла в слепую ярость. Лицо её исказилось, и она, внезапно взмахнув тяжёлой тростью с костяным набалдашником, с силой обрушила её на внука.

— Проклятый смутьян! Изменник! Твои речи — яд! Моя старушечья жизнь гроша ломаного не стоит! Сегодня я самолично забью тебя до смерти, а завтра пойду к императорским вратам, забью в покаянный барабан и отвечу головой за твою кончину!

Гнев затмил её разум, лишив способности здраво рассуждать. Она действовала под влиянием

дикого, первобытного порыва.

Сизнь вовремя заметил замах и попытался уклониться, но в тесной комнате, забитой перепуганными родственниками, кто-то намеренно или случайно преградил ему путь. Тяжёлое дерево с глухим стуком опустилось прямо на его когда-то раненное плечо. Острая вспышка боли мгновенно согнала краску с его лица, заставив побледнеть.

Не дожидаясь второго удара, Хан Сизнь перехватил трость за самый конец. Прищулив потемневшие глаза, он в упор посмотрел на тяжело дышащую старуху и произнёс обманчиво ласковым, тихим голосом:

— Нрав у меня, бабушка, отвратный, вы же знаете. Коль желаете мне смерти, я сделаю так, что перед кончиной вы своими глазами увидите, как исполняется каждое моё слово.

С этими словами он резко толкнул набалдашник от себя. Старая госпожа не удержалась на ногах, попятилась и с глухим стуком позорно повалилась прямо на пол.

Домочадцы, ещё не оправившиеся от дерзких угроз юноши, оцепенели, глядя на то, как он посмел поднять руку на главу рода. Старая госпожа, содрогаясь от пронзительной боли в пояснице, могла лишь беспомощно хватать ртом воздух.

Первым в себя пришёл Хан Чжо. Оказавшись подле сына, он замахнулся, намереваясь отвесить ему сокрушительную пощёчину.

Но Сизнь даже не вздрогнул. Скользнув по отцу ледяным взглядом, он ровным голосом предупредил:

— Попробуй. Но коли этот удар не убьёт меня на месте, завтра же я сделаю так, что всё ваше герцогское гнездо вырежут по обвинению в государственной измене. Хочешь проверить, чьему слову поверит государь?

Занесённая ладонь Хан Чжо замерла в волоске от щеки Сизня. Смысл сказанного дошёл до него с пугающей ясностью: один удар — и платить за него придётся жизнями всех, кто находится под этой крышей. Грудь герцога тяжело вздымалась, но нанести удар он так и не решился.

Тем временем служанки кое-как подняли старую госпожу с пола. Задыхаясь от ярости, она закричала сыну:

— Бей его! Забей до смерти! Всю вину я возьму на себя!

Хан Сизнь тихо рассмеялся. Осторожно потеряв ушибленное плечо, он с жалостью посмотрел на старуху:

— Поистине, глупость некоторых людей не знает границ. У Его Величества пока нет прямых улик против Поместья герцога Хань. Что ж, убейте меня прямо сейчас. Облегчите государю задачу, преподнесите ему на блюдечке повод вырезать вас всех до единого. Говорят, в гневе император не щадит никого вплоть до девятого колена. Моя никчёмная жизнь в обмен на плаху для всего клана Хань? Отличная сделка, я согласен.

— Да как у тебя язык поворачивается?! — не выдержал Хан Шу, гневно подскочив на месте. — Пусть тебе плевать на собственную шкуру, но о Минчжу ты подумал?! Она ведь твоя родная сестра!

Сиэнь одарил дядю безмятежной улыбкой:

— О, будьте уверены: случись со мной худшее, государь проявит к Минчжу особое милосердие. Пожалуй, она окажется единственной, кому позволят сохранить голову на плечах. Мне-то терять нечего. Вопрос в том, готовы ли вы рискнуть своими жизнями?

Он неторопливо обвёл взглядом притихшую толпу родственников. Занесённая рука Хан Чжо бессильно опустилась. Убедившись, что у отца хватило ума не совершать глупостей, Сиэнь потерял к ним всякий интерес. Развернувшись, он зашагал к выходу, брезгливо оставив позади это сборище лицемеров.

Семеновавший следом Ань Цао судорожно сглотнул. Слуга и представить не мог, что молодой господин решится дать отпор самой старой госпоже, да ещё и толкнёт её на глазах у всех! Случись об этом узнать посторонним — клейма непочтительного сына вовек не смыть.

Но самого Сиэня чужое мнение нисколько не заботило. Сбросив маски и высказав родственникам всё, что копилось годами, он ощутил небывалую лёгкость. Душа словно освободилась от тяжких оков.

После ухода сына лицо Хан Чжо сделалось мрачнее грозовой тучи. Старуха у постели больного окончательно лишилась рассудка, брызжа слюной и требуя немедленной расправы над дерзким юнцом, но дураков среди присутствующих не нашлось. Смерив мать тяжёлым взглядом, герцог велел всем разойтись. Вместе с братом и Госпожой Лю они перенесли старую госпожу обратно в её Дворик Вутонов. Лишь когда утомлённая истерикой старуха приняла из рук госпожи Лю успокоительный отвар и забылась тяжёлым сном, братья покинули её покои, оставив хозяйку ухаживать за больной.

Всю дорогу до своих дворов Хан Шу раздражённо ворчал под нос, проклиная Сиэня на чём свет стоит. Мало того что из-за этого паршивца его собственный сын натерпелся страху и теперь непременно свалится в лихорадке, так ещё и мать довели до припадка! А они стояли как истуканы и молча глотали обиду.

Постепенно злость в груди Хан Шу сменилась липким страхом. Ежели Добродетельная наложница Хан Юнь во дворце лишится покровительства Вдовствующей императрицы, гнев государя падёт не только на неё саму, но и на Пятого принца Цзи Хуая. А коли так, то и

предстоящий брак его дочери Цинсюэ с принцем обернётся для их семьи не великой честью, а сущим проклятием.

Покосившись на безмолвного брата, Хан Шу попытался было вызвать его на разговор, но тот вышагивал в полном молчании. Шу недовольно насупился и хотел возмутиться, но, встретившись взглядом с Хан Чжо, осёкся. В глазах герцога вспыхнуло яростное, холодное пламя.

— Оставь свои глупые бредни, — ледяным тоном оборвал его Хан Чжо. — Государь самолично соизволил сочетать Хан Цинсюэ браком с Пятым принцем, а значит, её судьба решена. Даже если Пятый принц завтра сляжет при смерти, наша девка отправится в его дом хотя бы для того, чтобы облегчить его предсмертные муки. И сыграем мы эту свадьбу с песнями и плясками, ясно тебе?

Только так девица Хань сможет стяжать славу верной и добродетельной супруги, иначе весь наш род ждёт неминуемая гибель. В простых семьях, коли жених преставится до венца, невеста лишь слегка портит репутацию, но вполне может выйти за другого. С государевой же роднёй шутки плохи: даже если суженый дышит на ладан, ты обязана безропотно покориться воле Небес, удушив в себе любое недовольство.

Этот жёсткий нагоняй мигом лишил Хан Шу дара речи. Проглотив готовые сорваться с языка возражения, он лишь покорно угукнул и поспешил скрыться в темноте своего двора.

Проводив брата взглядом, Хан Чжо неспешно зашагал к собственным покоям. На повороте у галереи он на миг замер, устремив задумчивый взор в сторону Дворика Душистых Орхидей, где горели огни Хан Сиэня. На его лице проступило странное, нечитаемое выражение.

Оказавшись в уединении своего кабинета, герцог тяжело опустился в кресло и устало потёр ноющие виски. Нынче наступали смутные времена, и здоровье старой госпожи Хань беспокоило его сильнее всего. Не дай бог старуха преставится — тогда ему с братом придётся удалиться от дел ради соблюдения трёхлетнего траура Динъю. В разгар дворцовой борьбы добровольно уйти в тень означало собственноручно преподнести власть соперникам.

Отступаться от поддержки Пятого принца Цзи Хуая герцог не собирался — точнее сказать, у него просто не оставалось выбора. С того самого дня, как он потакал амбициям сестры во дворце и отдал на заклятие собственную Госпожу Ван, его заветной целью было воцарение на троне преемника, в чьих жилах текла бы кровь клана Хань. Ради этой мечты он пожертвовал слишком многим, чтобы теперь дать назад попятный. Лишь здесь, под покровом ночной тишины, он позволял себе выпустить наружу накопившуюся смертельную усталость.

По правде говоря, он давно осознал, что путь Цзи Хуая к престолу усыпан шипами. Хоть Вдовствующая императрица годами покровительствовала наложнице Хан Юнь, у Благородной супруги Ши подрастал собственный претендент — Второй принц Цзи Жун. Пусть тот и славился слабым здоровьем, верить слухам в императорской семье было глупо: кто поручится, что его недуг не разыгран ради отвода глаз?

Неудачи на политическом поприще порождали в душе Хан Чжо тревожные сомнения. С каждым днём, особенно по мере стремительного возвышения Хан Сиэня, склонять на свою сторону придворных становилось всё труднее. Шансы Цзи Хуая таяли на глазах, но отступить было некуда. Понимая, что впереди маячит лишь туманная бездна, а все мосты за спиной сожжены, герцогу оставалось лишь стиснуть зубы и упрямо толкать принца к вершине.

Хан Сиэнь и не догадывался о душевных метаниях отца. Противостояние со старухой принесло ему глубокое удовлетворение. Вернувшись в свои покои, он даже не приказал слугам обработать ушибленное плечо лечебной мазью и сразу отошёл ко второму сну. В эту ночь его не тревожили кошмары.

Наутро за окном повалила мелкая колючая крупа. Выбираясь из-под тёплого одеяла, Сиэнь поморщился: плечо немилосердно ныло, а при малейшем сквозняке боль и вовсе становилась невыносимой.

Чэнь Сян и Юнь Чжи полагали, что молодой господин по своему обыкновению проведёт ненастный день в тепле у жаровни во Дворике Душистых Орхидей. Однако, едва откушав утренний бульон, Сиэнь велел Ань Цао запрягать экипаж — он намеревался отправиться во дворец.

Перепуганный вчерашней выходкой барина, Ань Цао глаз за всю ночь не сомкнул, и теперь под его глазами залегли темные круги. Лишь ледяная крупа, бившая в лицо на козлах, да пронизывающий ветер помогали ему удерживать вожжи и не дать повозке соскользнуть в придорожную канаву.

Из-за недосыпа голова слуги соображала туго. Когда повозка наконец остановилась у дворцовых ворот и Сиэнь приготовился сойти, Ань Цао напросился на нескромный вопрос:

— Молодой господин, в этакую стынь... зачем вам во дворец?

Запахивая поплотнее тяжелый плащ, Сиэнь устремил взор на величественные очертания императорских чертогов и обронил мимоходом:

— Просить Его Величество о понижении титула нашего дома.

— Понятно... — кивнул Ань Цао.

Лишь спустя пару вдохов до него дошёл смысл этих слов. Разинув рот от изумления, он ошарашенно уставился вслед удаляющемуся Сиэню:

— Понижение в титуле?! Понизить титул Поместья герцога Хань?!

Последние дни император пребывал в на редкость скверном расположении духа. Даже верному евнуху Юань Бао не раз доставалось на орехи, что уж говорить об остальных слугах.

Повелитель никак не ожидал визита Сиэня. Ему казалось, что после столь громкого скандала умный юноша предпочтёт затаиться и не попадаться лишний раз на глаза государю. В конце концов, Сиэнь приложил руку к разоблачению дворцовых тайн и воочию лицезрел позор правителя. Пусть его откровения и помогли докопаться до истины, для императорского самолюбия это был жестокий удар. Частое появление живого свидетеля лишь бредило старые раны, напоминая о пережитом унижении. Неужто мальчишка не боялся, что государь сгоряча велит отрубить ему голову под первым благовидным предлогом? К слову, подобные мысли правителя действительно посещали.

И всё же, поборов мимолётную досаду, император повелел впустить просителя.

Хан Сиэнь не стал ходить вокруг да около. Нижайше поприветствовав государя, он без утайки, в красках выложил всё, что приключилось вчерашней ночью в Поместье герцога Хань. Юноша будничным тоном поведал, как ловко раззадорил старуху разговорами о наложнице Хан Юнь, как та в ярости огрела его тростью по плечу, как он в ответ толкнул её на пол и какими карами небесными пригрозил отцу.

Обычно император терпеть не мог тех, кто знал о его минутных слабостях, и старался отослать таких свидетелей куда подальше. Но при виде Сиэня, который вечно путал ему все карты, государь лишь почувствовал, как у него невольно дёргается щека. Сперва этот несносный мальчишка выволок на свет грязное бельё императорской семьи, став свидетелем величайшей тайны двора, а вернувшись домой, даже не подумал затаиться! Напротив, не прошло и пары дней, как он разворошил змеиное гнездо вокруг Добродетельной наложницы. Ему что, не терпелось разрушить собственный дом до основания?

В душе правителя шевельнулось странное, двойственное чувство. Убедившись, что Сиэнь столь же безжалостен к собственным родственникам, сколь и ко всем остальным, император поймал себя на мысли, что его былая неприязнь к юноше немного поутихла.

Откинувшись на спинку трона, государь прищурился:

— Стало быть, явился жаловаться?

— Вовсе нет, Ваше Величество, — с самым благородным видом возразил Сиэнь. — Верный подданный лишь докладывает о положении дел. Поместье герцога Хань приходится родней Пятому принцу по материнской линии, а потому никогда не сможет оставаться беспристрастным в вопросах престолонаследия. Посему нижайше прошу Вас лишить поместье герцогского достоинства и понизить нас в титуле.

Император хмыкнул, изумлённо качнув головой:

— Понизить в титуле? Дерзок же ты на язык! Титул герцога Хань был пожалован самим основателем династии. Твой род не обвинён в измене, не совершил преступлений, караемых истреблением до девятого колена. На каком основании я должен отнять у вас звание? Лишь потому, что тебе так захотелось?

Повелитель покачал головой. Мысли юноши оставались для него загадкой. Обычно семейные дразги разгорались из-за жажды власти и богатства, Сиэнь же преподнёс свою жалобу на блюдецке с явным намерением лишить самого себя блестящего будущего. Сгореть самому, но спалить и остальных — поистине мстительная натура, не желающая уступать ни в чём.

Пропустив колкость мимо ушей, Сиэнь невозмутимо продолжил:

— Ваше Величество, это лишь мера предосторожности. К тому же ваш покорный слуга, будучи наследником Поместья герцога Хань, в последнее время совершил немало безрассудств и проявил непочтительность перед ясными очами государя. Коль сын не научен приличиям — в том вина отца. Я готов понести заслуженное наказание вместе с родителем, и полагаю, герцог отнесётся к этому решению с должным пониманием.

— Нашёл же время вспомнить о сыновьем долге и отцовской вине! — усмехнулся император, но спорить не стал. — Впрочем, твои слова не лишены смысла. Раз наследник Поместья герцога Хань творит подобные бесчинства, герцог действительно повинен в нерадивом воспитании чада.

При этих словах на лице Сиэня отразилась неподдельная радость. Повелителю впервые довелось видеть человека, столь искренне жаждущего лишиться дворянских привилегий. Из чистого упрямства государь решил не потакать его прихоти:

— Твои доводы я услышал. Будет тебе высочайший указ с суровым выговором твоему отцу за негодное попечение о сыне.

Сиэнь даже не попытался скрыть разочарование. На его лице отразилось крайнее изумление. Он открыл было рот, сиюсь возразить, но император лишь нетерпеливо указал рукой на дверь, безмолвно приказывая убираться прочь.

Мягко поклонившись, юноша покинул тронный зал.

Стоило ему устроиться в экипаже, как набежавшая тень досады бесследно исчезла с его лица, сменившись привычным бесстрашием. Всё шло по плану: государь ни за что не отнял бы у Хань древний титул, а значит, положение Сиэня в качестве законного наследника после этой глупой эскапады укрепилось ещё сильнее. На душе у него было спокойно. Лишь Ань Цао всю дорогу мелко дрожал от страха, боясь по возвращении обнаружить, что их поместье пошло с молотка, а сами они вмиг обратились в безродных простолюдинов.

Высочайший указ с суровым выговором быстро достиг клана Хань. Выслушивая зачитываемые евнухом гневные обвинения в неспособности навести порядок в собственных покоях и попустительстве семейным дразгам, Хан Чжо то краснел, то бледнел от унижения.

В тот же день кара настигла и внутренний дворец: Добродетельная наложница Хан Юнь получила монарший приказ, предписывающий ей безвыездно оставаться в своих покоях. Отныне ей запрещалось принимать посетителей, а Пятому принцу Цзи Хуаю под страхом наказания было заказано навещать мать.

Хан Юнь отказывалась верить в случившееся. С рыданиями и криками она рвалась к государю, требуя аудиенции, но стража у закрытых ворот оставалась глуха к её мольбам.

Когда эта весть достигла Поместья герцога Хань, старая госпожа Хань без чувств повалилась навзничь. Хан Чжо немедленно отправил слуг с визитной карточкой к придворным лекарям. Прибывший лекарь применил иглоукалывание, дабы вернуть старуху к жизни, и строго-настрого запретил ей волноваться, предупредив, что любой новый приступ гнева окончательно погубит её здоровье.

Осознавая всю тяжесть их положения, старая госпожа скрежетала зубами от бессильной ярости, уповая лишь на то, что немилость государя окажется временной блажью. Всю свою лютую ненависть она обратила против старшего внука. Разум её затуманился ядом обиды: она сделалась капризной и упрямой, то и дело прилюдно подрывая авторитет Поместья герцога Хань и собственного сына, Хан Чжо.

Однако сотворить зло Сизню ей было не суждено. На третий день после заточения наложницы Хан Юнь левая половина лица и конечности старой госпожи внезапно онемели и перестали слушаться.

Срочно вызванный лекарь после долгого осмотра вынес суровый приговор: старуху разбил паралич.

Когда встревоженные домочадцы собрались у её постели, несчастная, судорожно хрипя, упрямо указывала единственной уцелевшей правой рукой в сторону стоявшей в толпе Хан Минчжу. Её обезображенный рот кривился в безумных попытках выговорить хоть слово, но из горла вырывалось лишь невнятное мычание. Никто так и не сумел разобрать её бессвязную речь.

Глаза Хан Минчжу вмиг наполнились слезами. Скорбно опустив голову, она тихо произнесла:

— Должно быть, бабушка совсем не желает меня видеть... Пожалуй, мне лучше уйти, дабы не бередить её измученную душу.

Закрыв лицо рукавом платья, девушка с рыданиями поспешила прочь из покоев.

Парализованная старуха лишь в бессильном бешенстве колотила здоровой правой рукой по матрасу ей вслед.

<http://bllate.org/book/20088/2002067>